

Александр ЗУЕВ

ЛУКОШКО ОКАТНОГО ЖЕМЧУТА

ПУБЛИКУЕТСЯ
ВПЕРВЫЕ

(Очерк о Махоньке —
М. Д. Кривополеновой)

Ленинград, набережная Невы (1961 г.):
А. Н. Зуев с Т. П. Сычёвой, второй женой

А. Н. Зуев с С. Г. Писаховым (Архангельск)

Последнее фото (1964 г.)

Осенью 1920 года Народный Комиссариат просвещения снарядил на Русский Север маленькую экспедицию. Возглавляла эту экспедицию известная собирательница народного творчества Ольга Эрастовна Озаровская (все остальные — молодёжь).

Далёкий лесной край. Долго пробирались мы на лодках по пустынной реке в золотом царстве осени. Кутались от дождя и ветра в старые заплатанные паруса. Одни журавлиные косяки оглашали прощальными криками эту лесную пустыню. «Из Москвы — за песнями», — опережая нас, бежал слухок по старинным русским поселениям на реке Кулое и её притоке Сояне.

Встречали нас приветливо. Здесь умели ценить песенную старину. В каждой деревне выискивались старики и старухи, помнившие с голоса дедов и бабок богатырские былины, исторические песни, духовные стихи, обрядные и любовные запевки, хитросплетённые сказки и повести.

Немало прошло перед нами певцов и рассказчиков — хранителей древнего народного искусства.

Помню, встретили мы на реке нищего — старика, пробиравшегося за подаянием «в верховье» на собственной лодчонке. Нас заинтересовало необыкновенное обличье этого странника. В дождливую непогоду он плыл с непокрытой головой. Мокрые спутанные его волосы были схвачены берестяным венчиком, как на покойнике. Старик пел и басовитый голос его одиноко разносился по реке под мерное скрипение уключин. Наши лодки сблизились. Мы с любопытством разглядывали по-восковому жёлтое, иконописное лицо певца в тёмном окладе бороды. Светлые, строгие глаза его смотрели на нас угрюмо, недоверчиво.

В этих местах «семь вёрст — не околица», и мы без особого труда уговорили старика повернуть с нами до ближайшей деревни. Помню, как пел он нам древний стих про нищую братию:

*...Не оставливай-ко ты им золотой горы,
Да не оставливай-ко им и медовой реки.
Есть сильны власти, есть купцы да бояра,
Отымут у их гору золотую,
Отымут у их реку медовую.
Оставь-ко ты им имя Божье да Господне,
Будут они сыты и пьяны
И от тёмной ночи будут крыты.*

Глухой, немощный голос старика дрожал и обрывался. Ему не хватало духу, он часто оста-

А. Н. Зуев с Г. И. Суфтиным на набережной Двины

Публикуется впервые

навливался на полслово, захватывал тощей грудью воздух и вёл распев дальше. А под конец из-под опущенных век горошинами выкатились слезинки.

Заворожённые, мы слушали этот голос, дошедший к нам из глубины столетий. Это была песнь калик переходящих, гимн нищей братии, гонимой попами и царями за «лжеучение», за дух протеста против стеснительной церковной догмы, дух зажатой на Руси, но задавленной религиозной реформации. Только здесь в лесном краю, на дальних исторических отменях, сохранились следы этой былой борьбы — в виде духовных стихов и апокрифических сказаний.

Мы потащили старика к рупору нашего фонографа, чтобы записать древние распевы. Старик со страхом смотрел на жужжавшую «машину», сцарапывавшую иглой с воскового валика ровную нитяную стружку. И отпрянул назад:

— Грех! Меня за это в трубу вытянет!

Ему казалось, что дело это связано с нечистой силой, не иначе. Долго мы его уговаривали. Вопрос решил отрез кумачу на рубаху из «чемоданного фонда» Ольги Эрастовны.

Кашляя и задыхаясь, поддерживаемый с обеих сторон за руки, он запел в картонную трубу. Но когда мы тут же неосмотрительно сменили мембрану, чтобы прослушать запись, и из трубы полился, перемежаемый тяжкими вздохами, голос певца — старик вдруг побелел и затрясся. В смятении он подхватил свою котомку и убежал из избы в ночь, в дождь, в темень, — оставив на лавке отрез кумачу.

Поначалу мы остолбенели. Затем, подтолкнутой нашей начальницей, я бросился за ним следом, увязая в густой грязи. Но где там! С высокого берега я только слышал, как звякнула цепь отвяжываемой лодки и заплескались в непроглядной черноте ночи вёсла. Старик даже не откликнулся на мой голос. Больше мы его не видели. Мы долго бранили себя за то, что так неосторожно упустили этого представителя нищей братии, «последнего из калик», как говорили мы.

* * *

Мы записывали всё: былины, духовные стихи, песни, сказки, пословицы, прибаутки, загадки, колдовские заговоры, поверья, приметы, колыбайки, детские «считалки», частушки (здесь их называют «перегудками»).

Наша начальница строго требовала записывать всё с полной точностью. И мы неукоснительно ставили в наших записях латинское «h» там, где оно прозвучало мягче русского «г». Всё это считалось очень важным.

С утра до вечера толпился в нашей избе народ. Обойдя намеченные избы, мы собирались к ночи, чтобы подвести итоги. Как радовалась наша руководительница, если кому-нибудь удавалось принести какую-либо новую «жемчужинку». Помню, с каким умилением скандировала она вновь записанную «перегудку»:

*Тихая, печальная,
Горит свеча венчальная,
Горела да растаяла,
Жалела, да оставила.*

В этой частушке отражён старинный обычай хранить венчальные свечи в киоте божницы, чтобы зажечь в последний раз уже в изголовье мёртвых.

— Какая прелесть! — восклицала Ольга Эрастовна. — Сколько глубокого лиризма в ней! И ведь подумайте: всего четыре строчки. А какая музыка!

И мы все повторяли за ней хором:

*Тихая, печальная,
Горит свеча венчальная...*

Учились находить блёстки народного таланта даже в таком расхожем жанре, как частушка.

* * *

Сделав обратный путь по Кулою (других дорог там в ту пору не было), мы вышли на тихую луговую Сотку, а от верховьев этой речки прошли пешком на Пинегу (теперь эти места соединены каналом).

Мы шли в гости к бабушке Марье Дмитриевне Кривополеновой, знаменитой северной сказительнице, не раз выступавшей с пением былин в обеих столицах.

Здесь надо рассказать об одной давнишней встрече.

Ещё до революции не раз покидала Москву артистка Озаровская для нелёгких в ту пору поездок на Русский Север. Одна, без провожатых, пробираясь она по лесным рекам из деревни в деревню с карандашом и толстой тетрадь в сумочке. Север она явно идеализировала.

«В этом сказочном краю, — писала она, — где крестьянин, никогда не знавший крепостного ига, жил свободно, хранил и любил слово и украшал им свою жизнь, как скатным жемчугом, должна была случиться сказка, и она случилась».

Сама — мастерица живого слова — вот как поэтично рассказала она о своей первой встрече с М. Д. Кривополеновой.

«Изю всех сказочных чудес больше всего полюбила я тот серенький клубочек, который катится неведомо куда и тянет своей тонкой ниточкой вперёд да вперёд.

...Свёртывался серенький и снова развёртывался, катился, сверкая блестящими нитями к крестьянскому порогу. И подкатился к ногам нищенки».

...Подумала, не лежит ли у нищенки под корками хлеба скатный жемчуг? И оказалось — полно лукошко».

Большой заслугой Ольги Эрастовны было то, что она сразу по-настоящему оценила в этой нищенке талант народной певицы, привезла её из далёкой лесной глуши в Москву, вместе с ней объехала много городов, выступая в многолюдных аудиториях. И всюду эти выступления проходили с огромным успехом. О бабушке писали восторженные статьи в газетах. Её наперерыв приглашали в гости (даже губернаторы считали за честь пригласить её на чашку чая).

Маленькую бабушку буквально носили на руках. Она сама вспоминала:

— Ни на лошадях не ездила, ни ногами не хаживала: нёском носили.

Были у бабушки годы большой славы. Вернулась нищенка в свою деревню богачкой, хватило бы добра до самой смерти. Но, как говорили в деревне, — не умела жить. Раздала всё, раздарила. И опять оказалась на пороге нищенства. Казалось, забыли все о бабушке.

И вдруг принесли телеграмму. Приглашал бабушку народный комиссар просвещения А. В. Луначарский приехать в Москву.

* * *

Мы пришли к ночи. Была уже поздняя осень, всю дорогу нас хлестал холодный ветер с дождём и снегом. Промокшие и иззябшие, мы с удовольствием сидели в тёплой избе у затопленной печи, а потом — у затынувшего долгую песенку самовара.

Марья Дмитриевна — маленькая лобастая старушка в повойнике и синем сарафанчике — сидела у стола, тихо пошевеливая спицами, и рассказывала о недавней поездке в Москву по приглашению А. В. Луначарского.

— Хорошо встречали, хорошо провожали бабушку, — довольно повторяла она.

Рассказывала, как привезли её в Кремль «набез-конях» (бабушка никак не могла запомнить слово «автомобиль»), как вышел к ней «Новоцарский» (так своеобразно переименовала бабушка фамилию наркома); а она по-старинному бухнулась ему в ноги. А народный комиссар поднял и посадил Махоньку к себе на колени — её, неграмотную деревенскую старушонку, — и почтительно называл народной певицей.

Тут и решила бабушка доверить ему свой большой секрет. Она полезла глубоко за пазуху и достала большую серебряную медаль, что носила вместе с медным крестом на одном гайтане. Была выдана бабушке эта медаль Географическим обществом ещё до революции за заслуги перед наукой. А были в волости злопыхатели, твердившие, что получила бабка медаль от самого царя и что следовало бы эту медаль у неё отобрать.

Осмотрел медаль народный комиссар и успокоил старуху:

— Медаль эта у тебя, бабушка, правильная. Носи, не бойся, никто не отымет.

И ещё спрашивал народный комиссар, как ей живётся в далёкой архангельской деревне, не терпит ли какой нужды бабушка. Написал бумагу, чтобы выдавали ей в деревне академический паёк до самой смерти.

И очень довольна была бабушка, что «Новоцарский» тут же — дай Бог ему здоровья! — схлопотал для неё порошковых красок для крашения пряжи, которых в деревне в ту пору ни за какие деньги нельзя было достать (и пальцы, и даже нос у бабушки были в драгоценной жёлтой краске).

— Уж и верно, что народный! — всё хвалила бабушка московского комиссара. — Не то, что наши волостные управители.

Тут начальница нашей экспедиции Ольга Эрастовна вспомнила про заветную бутылочку коньяку, выписанную в дорогу от простуд и вообще «на трудный случай» предусмотрительным А. В. Луначарским. Все «трудные случаи» остались теперь позади. Наш путь был закончен. И мы решили отпраздновать окончание работы вместе с дорогой всем нам бабушкой.

Развеселилась в этот вечер Махонька, распелась.

Я не раз до этого слышал пение бабушки. Старинные распевы однообразны и не богаты мелодиями. Вот почему для исполнителя приобретает большое значение уметь вести сказ.

Бабушка была настоящей артисткой. У маленькой беззубой старушки было большое дыхание, ясная подача слова, живой яркий темперамент. Пела ли она былинку, или духовный стих, или весёлую скоморошину — всё выходило у неё по-своему, по-разному.

Она умела часами держать внимание не только ценителей словесной старины, но и любой разнообразной аудитории. По взмаху её платочка с ней запевал весь зал. Она так сжилась с героями своих старин, что и среди пения не считала за грех дополнить характеристику своими — то уважительными, то осуждающими — восклицаниями:

— Экой какой богатырище! Сохрани Бог! Его и судить никто не может.

Или:

— Ишь какой враль! Врать пошёл!

Или:

— Своим судом судил, много народу бил. Боисься его, перебоисься!

Это про Грозного царя Ивана Васильевича.

Необыкновенна была её память: часами могла сказывать, а никогда не собьётся. Подлинный артистизм этой народной певицы сказывался в строгом, почти благоговейном отношении к своему исполнительскому делу. Прежде чем начать какую-нибудь «старину», бабушка вдруг притихала, уходила в себя. Несколько мгновений сидела она так, опустив глаза в колени, и тихо и протяжно откашливалась, как бы настраивая голос. И пела она всегда с увлечением, с сияющими глазами, очень выразительно. А иногда оборвав себя — возмущённо восклицала:

— Эка громогласна старина!

И опять продолжала петь. Закончив же, вставала и смиренно кланялась на все стороны, приговаривая:

— Не осудите бабушку!

Было в этом её обыкновении что-то от глубокой старины. Вот так же древние русские переписчики «боговдохновенных» книг, закончив свой труд, часто длившийся годами, смиренно приписывали в конце: «Писал не дух святой, не ангел, но аз неразумный рукою своею, грубыми и неудобренными алфавиты, прощению да сподобите мя».

Бабушка как бы просила снисхождения у слушателей, если в чём-нибудь не сумела достойно передать великую и «громогласную» старину.

А один раз — я был тому свидетелем — выступая перед своими земляками в Архангельске, даже всерьёз обиделась и сердито попрекнула переполненный зал:

— Чего не хлопаете? Бабушка не при экой публике пела старины и то хлопали!..

В этот осенний вечер, когда за окнами плескался холодный дождь, бабушка спела нам и знаменитых своих «Вавилу и скоморохов». Только одна она донесла из глубокой старины эту драгоценную былинку.

Немного мы знаем о скоморохах, этих бродячих артистах древней Руси. Что они пели, чем потешали народ? Почему церковь, а с ней и царская власть, в течение двух столетий гнали и преследовали «скоморошину»? Ключ к догадкам даёт бабушкина былина.

В лесах Севера сохранились целые деревни Скомороховых. Гонимые артисты убегали сюда, унося свои песни, свои гудочки и «звончатые переладцы».

Вот идут скоморохи по дороге «переигрывать царя-собаку»:

*Весёлые люди, не простые,
Не простые люди, скоморохи...*

Поёт бабушка, и в переливах её голоса ясно слышатся звуки какого-то неведомого теперь «переладца».

И видно из этой былины, как высоко ценил и превозносил народ своих артистов-скоморохов, которые переиграли царя-собаку и посадили крестьянского сына Вавилушку на царство.

В те годы ещё недавними событиями были низвержение царизма и установление власти рабочих и крестьян. И неожиданно древняя бабушкина былина оказывалась созвучной новой эпохе. Сбылось то, о чём мечталось народу ещё в незапамятные времена.

А вот завела бабушка старинную песню про «талань — участь горькую»:

*На роду талань написана,
В жеребью ли талань выпала...
Во лесу из леса не было,
Во миру ли людей не жило,
На мне ли на младёшеньке
Женихов ли на мне не было...
Сдумал — выдал меня батюшка
Что за вора, за разбойничка,
За денного подорожничка,
За ночного полнощника...*

Смотришь, набухли глаза у бабушки, покраснели морщинистые щёки. Пьёт она и тут же вытирает кончиком платка быстрые слезинки. Напомнила ей песня безрадостную молодость, жизнь с немилым мужем, пьяницей и вором (он и помер не своей смертью, убили где-то на кривых дорогах).

Повздыхает Махонька, разглаживая сухонькой ручкой складки сарафана, помолчит. А потом усмехнётся вдруг, обводя слушателей не просохшими ещё от слёз глазами. Опять готова петь, что попросят.

— Про Кастрюка Темрюковича! — дружно подсказываем ей.

Вот и отошла бабушка, забыла про недавние слёзы. «Кастрюк» — любимая вещь из её обширного репертуара. Это весёлая старина, в ней так и слышатся плясовые напевы:

*Об чём слово было молвлено,
По рукам было ударенное?..
Кастрюк поскакивает,
Кастрюк поплясывает,
Кастрюк через стол скочил,
Кастрюк пития сплескал...*

Засияли весёлые огоньки в глазах певицы, рука невольно взмахивает платочком.

Это «Кастрюк поскакивает» трижды повторяется в песне, придавая ей какой-то почти озорной характер (в ней рассказывается о том, что любимый шурин царя Ивана Васильевича, Кастрюк, оказался женщиной) — несомненно эта острая насмешливая песня унаследована от былых скоморохов.

Развеселилась бабушка в тот вечер. Под конец взмахнула платочком и сама пошла по избе с бойким прытопом:

*Где же, Дунаюшка, постель твой?
.....
Шинелища под боищища,
Епанчища взголовища,
Ты со мною, я с тобою,
С Акулиной молодою.*

Хочет бабушка, по-детски обнажая голые дёсны. Машет платочком, в глазах огнём плавится

удалое веселье. Совсем как девчонка из хоровода. А было ей годочков уже под восемьдесят.

* * *

Впечатления от той поездки навсегда отложились в моей памяти. Казалось, мы прошли по живым следам былинных калек и весёлых скоморохов. В ушах наших — пускай отдалённым эхом — прозвучала громогласная старина. Мы чувствовали древнюю Русь в величественных распевах былин и стихов, в мерных ритмах сказа, в ярко-образном народном говоре. Нам повествовали о ней последние «живые свидетели». И мы с уважением смотрели на убелённых сединами народных певцов и певиц. Бережно донесли они до наших дней остатки великого народного искусства, в огромной степени обогатившего наш язык, литературу, живопись, музыку и науку о Древней Руси. Из этого могучего источника черпали вдохновение Пушкин и Лермонтов, композиторы Римский-Корсаков и Бородин, художники Васнецов и Врубель, и многие-многие другие.

Пришёл новый век, у него свои песни. Древнее словесное богатство стало достоянием учебников. Написал «достоянием учебников» и призадумался. Вспомнились разговоры со школьниками, со студентами. Я рассказывал им о путешествии на Север, читал свою повесть о скоморохах. И не раз после этого слышал сетования на то, как неинтересно «проходят» в школах «раздел фольклора».

Великое народное искусство, его глубокая поэтическая сила, его богатейшая картинность и музыкальность как-то оскудевают и теряются в сухом изложении учебного материала, не захватывают воображения. Не прививается вкус и к самостоятельному изучению словесного наследия нашего народа. Но почему?

В 1896 году на Нижегородской выставке молодой Горький слушал пение былин сказительницы И. А. Федосовой. Он почувствовал тогда, что помимо «добротной красоты слов» было в этом «что-то нечеловечески ласковое и мудрое». Позднее (в «Климе Самгине») он определил своё ощущение так: это и есть «самая подлинная история правды добра и правды зла», любовный и мудрый рассказ «о гневе и нежности, о неутолимых печалаях матерей и богатырских мечтах детей, обо всём, что есть жизнь».

И тут поневоле вздохнёшь: как же мало общество, и интеллигенция в частности, делают (и в литературе, и в других областях искусства) для того, чтобы наши дети знали и любили русских богатырей, свою седую старину, чтобы они судили о нашем народном искусстве не по школьным «верхам», а оборотились бы к «громогласной старине» и восприняли её всем жаром юного патристического сердца.

*Публикация фотографий и очерка
Е. Г. Трудовой,
внучатой племянницы А. Н. Зуева*

• От редакции.

В основе очерка Александра Зуева — поездка на Пинежье осенью 1920 года. В том году в этих местах родился будущий писатель земли русской Фёдор Абрамов. Образ Махоньки впоследствии станет центральным в его романе «Чистая книга». До чего же удивительные бывают порой сближения.